

Дылыкова Ринчин Сандановна

СТИЛЕВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЭПИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ БУРЯТ (НА МАТЕРИАЛЕ УЛИГЕРОВ М. ИМЕГЕНОВА)

В статье рассматриваются общее и особенное в стиле улигеров М. Имегенова. Выявлена функциональность использования жанров обрядовой поэзии, рассмотрена особенность отражения времени.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2011/4/17.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 4 (11). С. 69-72. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2011/4/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

Список литературы

1. Елизарова Г. В. Формирование межкультурной компетенции студентов в процессе обучения иноязычному общению: дисс. ... д-ра пед. наук. СПб., 2001. 371 с.
2. Колшанский Г. В. Лингвокоммуникативные аспекты речевого обращения // Иностранные языки в школе. 1975. № 1. С. 13.
3. Красных В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. М.: Гносис, 2002. 281 с.
4. Маслова В. А. Лингвокультурология. М.: Издательский центр «Академия», 2001. 208 с.
5. Плужник И. Л. Формирование межкультурной коммуникативной компетенции студентов гуманитарного профиля в процессе профессиональной подготовки: дисс. ... д-ра пед. наук. Тюмень, 2003. 335 с.
6. Райхштайн А. Д. Национально-культурный аспект интеркоммуникации // Иностранные языки в школе. 1986. № 5. С. 10-14.
7. Сафонова В. В. Изучение языков международного общения в контексте диалога культур и цивилизаций. Воронеж: Истоки, 1996. 237 с.
8. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово/SLOVO, 2000. 263 с.
9. Томахин Г. Д. Лингвострановедение: что это такое? // Иностранные языки в школе. 1996. № 6. С. 22-27.
10. Фурманова В. П. Межкультурная коммуникация и культурно-языковая прагматика в теории и практике преподавания иностранного языка (языковой вуз): дисс. ... д-ра пед. наук. М., 1994. 475 с.
11. Вугам М. Investigating Cultural Studies in Foreign Language Teaching. Clevedon: Multilingual Meters, Ltd., 1991. P. 8-17.

**MODERN APPROACHES TO FOREIGN LANGUAGES TEACHING
AT NON-LANGUAGE HIGHER EDUCATION INSTITUTION**

Elena Sergeevna Dikova, Ph. D. in Pedagogy
Department of Foreign Languages Teaching Methodology
Irkutsk State Linguistic University
elenadikova@mail.ru

The author considers the peculiarities of the cultural studies approaches to foreign language teaching and determines their significance for non-philologists' training conditions.

Key words and phrases: methods of FL teaching; culture-oriented approaches; linguistic country-specific approach; linguo-culturological approach; ethnographic approach; social-cultural approach; cross-cultural approach.

УДК 1751

В статье рассматриваются общее и особенное в стиле улигеров М. Имегенова. Выявлена функциональность использования жанров обрядовой поэзии, рассмотрена особенность отражения времени.

Ключевые слова и фразы: эпические произведения бурят; сказитель М. Имегенов; формульность языка улигеров; жанры обрядовой поэзии в улигере.

Ринчин Сандановна Дылыкова, к. филол. н., доцент
Кафедра филологии и методики преподавания
Педагогический институт
Бурятский государственный университет
rinsan@mail.ru

**СТИЛЕВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЭПИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ БУРЯТ
(НА МАТЕРИАЛЕ УЛИГЕРОВ М. ИМЕГЕНОВА)[©]**

Бурятский героический эпос (бур. *ульгэр*) занимает достойное место среди эпических произведений монголо- и тюркоязычных народов. Улигеры - это большие эпические поэмы, насчитывающие от 5 до 12-13 тыс. стихотворных строк. Их называют вершиной устного творчества бурят. Суть улигеров - воспевание боевых подвигов «баатаров» - богатырей, совершаемых ими ради защиты родной земли, своих соплеменников, ради установления мирной жизни на земле. Их характеризуют и как энциклопедическое собрание древнейших мифов и сказаний, легенд и преданий, т.н. малых жанров фольклора, из текстов возможна реконструкция некоторых обрядов. В улигерах запечатлены образ жизни, традиции, нравственные принципы, история, культура, мировосприятие бурятского народа.

Наибольшее распространение и известность получили эпические произведения о Гэсэре, совокупность которых называют бурятской Гэсэриадой, также «Аламжи Мэргэн» и др. Известны и сказители улигеров - улигершины. Общебурятская сказительская традиция условно подразделена на три направления: унгинскую,

эхирит-булагатскую, хоринскую. Они соотнесены с тремя большими группами бурятских улигеров, хотя выделяются и другие группы (например, окинская). Каждое направление представлялось целой плеядой улигершинов, например, в унгинской традиции известны такие улигершины как П. Тушемилов, П. Петров, П. Дмитриев, А. Васильев. Каждый из них сказывал свой вариант Гэсэра.

Маншуд Имегенов - яркий представитель эхирит-булагатской сказительской традиции¹. При исполнении улигеров он придерживался местной эпической традиции: сохранял в неприкосновенности все элементы сюжета, состав и последовательность эпизодов, характер действий, трактовку образов основных персонажей, стремился передать эпический текст в том виде, в каком сам когда-то воспринял его.

Задачей данной статьи является рассмотрение некоторых стилевых особенностей улигеров сказителя М. Имегенова. Рассмотрение указанного аспекта на материале произведений одного улигершина значимо, поскольку позволяет раскрыть особенности самой локальной эпической традиции, выявить особенности представления художественного мира улигеров, их композиции, сюжетного, образного рядов и других характеристик текста, и т.д. Отмеченная проблема для бурятской эпики не нова. Так, изучение отдельной ареальной группы улигеров унгинской традиции произведена Д. А. Бурчиной, которое можно считать одним из подходов к решению выделенной проблемы [2].

От М. Имегенова Ц. Жамцарано² были записаны крупные эпические сказания, рассказанные им: «Абай Гэсэр Могучий», «Ошор Богдо», «Хурин Алтай», «Еренсей», «Буха хара хубун», которые имеют научный перевод (кроме Буха хара хубуна), изданы все тексты.

Поэтический язык улигеров М. Имегенова представляет собой достаточно развитую систему речевых средств, передающих с помощью различных стилистических построений все разнообразие содержания улигера. В целом, как отмечает М. И. Тулохонов, эпический язык по строю и стилистической окрашенности является собой «высокий слог». Это во многом вызвано, тем, что идеализация богатыря, показ его возвышенных устремлений, описание героических дел и подвигов неизбежно требуют известного патетического настроения, высокой интонации звучания [9, с. 474].

Одним из ярких стилевых характеристик улигеров является использование улигершином формул, отражения времени, имеющих характерные для общепурятской эпической традиции приемы, но отличающиеся особым его представлением средствами языка. Так, в текстах всех его улигеров встречаются используемые только им постоянные «формулы времени»³. Например: «Үнэгэни харанхыһаа хойшо» 'После лисей темноты' [1, стк. 649]; «Үдэйншье шарга нарани Үрөөлүёо бултайжа Үрөөлүёо үдыдэ» 'Когда полуденно-яркое солнце Лишь наполовину взошло, другая же половина еще не показалась' [Там же, стк. 652-654]; «Үдэшэни боро хоног Шара набшан боложо» 'Когда серые сумерки Желтой листве уподобились' [Там же, стк. 716-717]. Приведенные выражения широко используются улигершином и не только в рамках одного улигера, первые две формулы определяют время по солнцу, в первой солнце имеет семантику 'лисий', и, действительно, буряты соотносили солнце с лисицей. «Эту формулу нужно считать реликтовой», - полагают Д. А. Бурчина, А. Б. Соктоев, ссылаясь на М. Н. Хангалова, но можно соотнести, сославшись на Л. Е. Элиасова (Словарь русских говоров Забайкалья. М., 1980. С. 186), с предположением о том, что «это может быть указание на время зимней охоты лисиц, т.е., время, близкое к рассвету» [3, с. 428]. Оба предположения хороши, но нам ближе второе, думается, что налицо осмысление окружающей действительности через особенности охотничьего промысла. Третья формула представляет своеобразную цветовую передачу сумерек, освещенных золотистыми лучами заходящего солнца [Там же, с. 429].

Присутствуют еще и другие «формулы времени», характерные для стиля М. Имегенова. Это изображение длительности бесед, диалогов героя «Хара ехэ уһан дээрэ Үрмэ байлган зугаалба, Хабтагайхан шулуун дээрэ Ногооеын ургуулан зугаалба» 'На глади чистой воды Пена появилась - [так долго] беседовали, На глади плоского камня Трава выросла - [так долго] беседовали' [1, стк. 2776-2779]. Здесь нет указания на реальное время, его длительность изображается метафорами. Конец диалогов показывается формульной фразой «Мэнэн хүүрээ хэлэбэ» '[Он] нужное слово сказал' [Там же, стк. 178].

В улигерах М. Имегенова выявляется как стилевой прием использование текстов других жанров, например, обрядовой поэзии: наречение именем, укладывание в колыбель, проклятия, стихотворения о кроплении, оживления, заговор оружия. Так, рождение ребенка у героев и последующий обряд наречения именем в улигерах М. Имегенова нашли детальное описание. Атмосфера праздника (по бур. «наадана») представляется как всенародное торжество и всеобщее гуляние, что выражается формулой: «Арын барабан дэлдэбэ - Арая зойе гульдхаба, Эбэрээ барабан дэлдэбэ - Эбэрээ зойе гульдхаба». 'Загремели северные барабаны, Собирая с Севера людей, Застучали южные барабаны, Собирая с юга людей' [Там же, стк. 3731-3734]. Описывается, как обрезается пуповина ребенка, как его укладывают в колыбель: «Барбагайта сэмэгэе Үлгы дээрэ табижа, Баруун хани шаатый асаржа Оруулна сагаан мунгун һэлмээр барижа оруулба» 'Голенную кость с лодыжкой К [изголовью] люльки привязали, Правую бедренную кость принесли И положили [ее в колыбель]. Держа блестяще-серебряную саблю отца, Уложили [дитя в колыбель]' [Там же, стк. 3758-3763]. В строках представляется свернутая модель укладывания в колыбель, и это понятно, улигершина преобразует

¹ Об эхирит-булагатских улигерах есть исследование Д. Д. Гомбоин, в которой она рассмотрела их сюжетику, характеристику сюжетов, сюжетобразующие мотивы в улигерах о сватовстве, традиционное построение сюжета и композиционное оформление эпических сказаний, образы в эхирит-булагатских улигерах [4].

² О своей работе с М. Имегеновым Ц. Жамцарано оставил дневниковые записи [10].

³ Примеры приведены из одного текста «Абай Гэсэр Могучий».

действительность по традиционным законам. Тем не менее, основные элементы обряда присутствуют. Ср. в «Обрядах в традиционной культуре бурят» отмечается, что с момента первого пеленания ребенка почти неразрывна связь младенца и колыбели. Колыбель представляет собой как у всех народов своего рода «жилище» в жилище. Со ссылкой на К. Д. Басаеву (Семья и брак у бурят. 2-е изд. Улан-Удэ, 1991) авторы «Обрядов...» указывают, что передача колыбели у бурят происходила по мужской линии, использовалась колыбель, взятая только от родителей мужа. Перед тем, как уложить ребенка в колыбель, ее «очищали» окуриванием священными растениями, затем ее устилали шкурками, уже послужившими в качестве пеленок благополучно выросшему ребенку. Повитуха держала новорожденного, другая женщина - сваренную бедренную кость бычка или барана (в тексте *барбагайта сэмгэ 'голенная кость'*) как обязательный атрибут обряда. Около колыбели клали молоток, точило. В разных районах предметы, используемые в обряде, варьировались: помимо *шаата сэмгэ 'бедренной кости'*, были нож, кинжал, стрелы и т.д. У детей спрашивали: «Кого укладывать в люльку: ребенка или кость?» и т.д. Вопросы с перечислением предметов повторялись дважды или трижды. После этих традиционных вопросов - ответов, которые составляли основную часть обряда, ребенка, завернутого в шкурки, укладывали в колыбель. Вероятно, эти вопросы - ответы были подчинены задаче «обживания» новой колыбели. *Шаата сэмгэ 'бедренную кость'* отдавали детям, а те, очистив ее от мяса, возвращали повивальной бабке. Эта кость привязывалась с правой стороны люльки. Предметы, используемые в данном ритуале «обживания» новой колыбели как кость, стрела, нож и т.д. (в улигере *барбагайта сэмгэ 'голенная кость'* и *баабайн сагаан мунгун нэлэм 'блестяще-серебряная сабля отца'*) считались местными *сүлдэ 'души'* [8, с. 74-75], в контексте улигера можно охарактеризовать и как предначертание продолжать дело отца. В представленном в текстах обряда наречения именем сам герой, 'держа бедренную кость у груди, Обходит [людей] и просит с поклоном: «Старики мои и старушки, Сына именем нареките!»'. Почтенный старец нарекает сына Гэсэра именем Ошор Богдо, а сына Еренсея - Ханхан Согто. Обязательно присутствует передача этим старцем камышовой палки (трости). Трость (палка), на наш взгляд, символизирует устойчивость, если его соотнести с *багана 'столбом'* традиционной юрты монголоязычных народов, функцией которой является «служить опорным столбом, поддерживающим обод дымового отверстия юрты... в мифологическом осмыслении - мировая ось, соединяющая *тооно* 'верх' и землю 'низ', проходящую через прошлое-настоящее-будущее пространственно-временного континуума» [6, с. 22] и своеобразным способом «введения ребенка в мир семьи, всего рода» [8, с. 76].

Проанализируем текст заговора и заклинания оружия, представленного в улигере «Еренсей» М. Имегенова с позиции определения способов его организации. Как правило, в практике улигершинов использование текстов заговоров и заклинаний сопровождается сюжеты поединков протагониста с антагонистом с одинаковой силой, когда ни одна из сторон не может одержать победу. В «Еренсее» Ханхан Согто-молодец, сын старика Еренсея, бьется с 1008-головым Митурайским желтым мангадхаем девять дней, затем соперники договариваются об исходе битвы через поиск душ. Протагонист, как правило, узнает о душе антагониста через Желтую книгу Майдари, как вызывает антагонист, улигершин, в данном случае, не дает сведений (у улигершинов наблюдаются и другие сюжеты, когда, например, пускаются стрелы, затем следует сюжет «добывания» души, связанная с мотивами перевоплощений, как правило, удача всегда на стороне протагониста). В «Еренсее» сюжетная линия разворачивается в следующем порядке. *Поиск души*: Хоёр ханай хонсорло Һүнэһэн сүлдээ бэдэрэлсэйел. Хоёр уулайн толгойдо Хонон байжа бэдэрийидаа. Мүнөө шийи нолооб, Малагаар шийи нолобо - Үзэлдхэжэ мэдүүжилдидаа 'Двое суток Поищем душу и жизненную силу, Поищем, ночуя На вершине двух гор. Может сегодня найдем, Может завтра найдем, Но попробуем поискать' [5, стк. 6475-6481]. *Затем, главный герой разрезав свой лоб, достает Желтую книгу Майдари и при свете луны читает ее, чтобы узнать где душа у мангадхая*: Энэ мангад ахайн Һүнэһэн Энэ зүүхэн тээмни Һүнхэн шара далай байна, Һүнхэн шара далай соо Сахюур сагаан толгойтойло, Самсаал ехэ үргэтэй Оошо ханай дундаала Гагсахан шүдүтэйлэ, Гагсаха нодүтэй Холхи иибин хобтодол Арбан гурбан бүдүнө Амин Һүлдэн тэндэ байна! Түүнэй удаада сүлдүндаа Энэ баруун тээхэнэм Үнин шара нуурхан байна Гунан үхэрэй шинээн даа Гунан хара баха тэндэ Амнинин алтан тооноло Гунан хара бахайндаа Хотойни оёрто Шагай ханай шинээн даа Шара шулуун байнал даа. 'Душа этого мангадхая <...> На восточной стороне Есть желтое молочное море. В этом желтом молочном море Живет [его] бабушка С белоснежной головой, С острым подбородком, Имеющая за щеками Один лишь зуб, С одним лишь глазом. В сундуке бабушки [есть] тринадцать перепелок В них его душа и жизненная сила. Другая его душа <...> На западной стороне Есть Уньинское желтое озеро, В желтом озере Уньинском Есть трехлетняя черная лягушка Величиною в трехголового быка. Золотое зерно души его Находится в желудке Трехлетней черной лягушки - Желтый камень Величиною с лодыжку' [Там же, стк. 6505-6528]. *Затем следует заговор стреле, состоящий из внутренней речи, подготовки к заговору, самого заговора. Внутренняя речь*: «Энэ һайхан хара шулууе Хайшин гэжэ асарха бэлэйб? 'Этот красивый камень как привезти сюда?'» [Там же, стк. 6530-6531]. *Подготовка к заговору*: Бухайр шара номоёол Хангайн хара номойел Ходоложин абалдаба Онон дээрэн уншабалдаа, Улаан дүлүй гаргаба; Хүбшэ дээрэн хэбшэбэ, Хүхү дүлүй гаргаба. 'Хангайскую черную стрелу, Выдернув, достал. На зарубке стрелы прочитал - Из бухарского желтого лука Красное пламя исходило; На тегиве прочитал - Синее пламя поднималось' [Там же, стк. 6531-6538]. *Сам заговор*: Мэнии хани бололсобо Үхэжэ үгэй боложо ошхохада Энэ ехэ үүдхэ мэни Үйхэн таһа арилаарайш! Ахан ябаха заяатаман хадам Гунан хара бахаяла Ама н-уруун орооройлдаа, Алаарин гараарайлдаа! Шагайн шинээн болобо Шара ехэ шулууйнла Ондоо хабшан ерээрэйла! Наадагтаа ерэхэжэ Хабинажин оролсооройш! - 'Коль мне суждено Умереть или исчезнуть, То, эта большая моя стрела, Лети в неизвестность! Коль жить мне суждено, То в рот попади Трехлетней черной лягушки И выйди через пах; В зарубке стрелы защемиив Желтый камень его большой, Величиною

с лодыжку, прилети; Подлетев к колчану, Трепеша войди!» [Там же, стк. 5639-6551]. Далее представляется, как протагонист и антагонист ищут души друг друга, сопровождается мотивами перевоплощений, описывается исход поединка. Сам сюжет в повествовании занимает более 400 строк от строки 6475 до 6864 строки.

Приведенные иллюстрации представляют следующие особенности: во-первых, заговор использован в угоду раскрытия улигершином сюжета повествования, поэтому возможны усечения, вставки слогов, слов для поддержания мелодического рисунка текста улигера. Во-вторых, очевидна магия, ориентированная на прецедент: *Бухайр шара номоёол Хангайн хара номойел Ходоложин абалдаба Онон дээрэн уншабалдаа, Улаан дүлүй гаргаба; Хүбиш дээрэн хэбишбэ, Хүхү дүлүй гаргаба. Хангайскую черную стрелу, Выдернув, достал. На зарубке стрелы прочитал - Из бухарского желтого лука Красное пламя исходило; На тетиве прочитал - Синее пламя поднималось*; прием мистической партиципации: *Гунан хара бахаяала Ама н-уруун орооройлдаа, Алаарин гараарайлдаа! Шагайн шинээн болобо Шара ехэ шулууйнла Ондоо хабшан ерээрэйла!* 'То в рот попади Трехлетней черной лягушки И выйди через пах; В зарубке стреляя зацелив Желтый камень его большой, Величиной с лодыжку, прилети'; параллелизм конструкций, поддерживаемый повтором слов: *Энэ зүүхэн тээмни Гүнхэн шара далай байна, Гүнхэн шара далай соо Сахюур сагаан толгойтойло, Самсаал ехэ үргэтэй Оошо ханай дундаала Гэгсахан шүдүтэйлэ, Гэгсахан нүдүтэй 'Есть желтое молочное море. В этом желтом молочном море Живет [его] бабушка С белоснежной головой, С острым подбородком, Имеющая за щеками Один лишь зуб, С одним лишь глазом*'; репрезентация партиципативной магии прослеживается и в антитезе: *Мэний хани бололсобо Үхэжэ үгэй боложо ошхохада Энэ ехэ үүдхэ мэни Үйхэн таһа арилаарайш! Ахан ябаха заяатаман хадам Гунан хара бахаяала Ама н-уруун орооройлдаа... 'Коль мне суждено Умереть или исчезнуть, То, эта большая моя стрела, Лети в неизвестность! Коль жить мне суждено, То в рот попади Трехлетней черной лягушки...'*. В-третьих, возможно определить элементы вербальной магии, используемой в данном заговорном тексте [8]: простые предложения, содержащие в своей конструкции (на взгляд читателя лишние), введенные улигершином для соблюдения ритмического рисунка компоненты типа -ла, болобо,н-, даа: *Гунан хара бахаяала Ама н-уруун орооройлдаа, Алаарин гараарайлдаа! Шагайн шинээн болобо Шара ехэ шулууйнла Ондоо хабшан ерээрэйла!* 'То в рот попади Трехлетней черной лягушки И выйди через пах; В зарубке стрелы зацелив Желтый камень его большой, Величиной с лодыжку, прилети'; использование предикатов, содержащих императив: *Үйхэн таһа арилаарайш, ама н-уруун орооройлдаа, алаарин гараарайлдаа, ондоо хабшан ерээрэйла, хабинажин оролсооройш*; также наблюдается «сквозной симпатический эпитет»: *Түүнэй удаада сүлдүндаа Энэ баруун тээхэнэм Үнийн шара нуурхан байна Гунан үхэрэй шинээн даа Гунан хара баха тэндэ Амийн алтан тоололо Гунан хара бахайндаа Хотойни оёрто Шагай ханай шинээн даа Шара шулуун байнал даа. 'Другая его душа... На западной стороне Есть Уньинское желтое озеро, В желтом озере Уньинском Есть трехлетняя черная лягушка Величиной в трехгодовалого быка. Золотое зерно души его Находится в желудке Трехлетней черной лягушки - Желтый камень Величиной с лодыжку*'.

Приведенные выше примеры выражения стиля М. Имегенова позволяют отметить, что в текстах его улигеров встречаются характерные для улигершина особенности, как представление времени, использование обрядовых актов (укладывание в колыбель, наречение именем, заговор оружия, оживление героев и т.д.).

Список литературы

1. Абай Гэсэр Могучий: бурятский героический эпос. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995.
2. Бурчина Д. А. Героический эпос унгинских бурят: указатель произведений и их вариантов. Новосибирск: Наука, 2007.
3. Бурчина Д. А., Соктоев А. Б. Комментарии к переводу // Абай Гэсэр Могучий: бурятский героический эпос. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995.
4. Гомбоин Д. Д. Эхирит-булагатские улигеры. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1990.
5. Ересеи / подг. текста, пер. и примеч. М. П. Хомонова. Улан-Удэ, 1972.
6. Жуковская Н. Л. Кочевники Монголии: Культура. Традиции. Символика: учеб. пособие. М.: Вост. лит., 2002.
7. Коновалова Н. И. Сакральный текст как лингвокультурный феномен: монография. Екатеринбург, 2007.
8. Обряды в традиционной культуре бурят / Д. Б. Батоева, Г. Р. Галданова, Д. А. Николаева, Т. Д. Скрынникова; отв. ред. Т. Д. Скрынникова. М.: Вост. лит., 2002.
9. Тулохонов М. П. Бурятский героический эпос «Гэсэр» // Абай Гэсэр Могучий: бурятский героический эпос. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995.
10. Цыбен Жамцарано. Путевые дневники: 1903-1907 гг. / отв. ред. Ц. П. Ванчикова. Улан-Удэ: Изд-во БНЦСОРАН, 2001.

STYLISTIC FEATURES OF BURYAT EPIC WORKS (BY THE MATERIAL OF M. IMEGENOV'S ULIGERS)

Rinchin Sandanovna Dilykova, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Department of Philology and Teaching Methods
Pedagogical Institute
Buryat State University
rinsan@mail.ru

The author discusses the general and particular aspects in M. Imegenov's uligers style, reveals the functionality of ritual poetry genres use and considers the features of time reflection.

Key words and phrases: Buryat epic works; storyteller M. Imegenov; uliger language formula character; ritual poetry genres in uliger.